

О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
или ПРИНЦИПЫ ЗАКОНОВ

Приведено по:

Утопический социализм.

М., Изд. Политическая литература. 1982. С.140-148.

К веб-публикации подготовили: Александр, В.Веденев.

© Век Просвещения 2006

Чудовищное разнообразие правительственных форм, законов и нравов на земле, — зрелище, способное забавлять людей легкомысленных, но удручающее людей мыслящих, убедившихся, к стыду нашего разума, что человеческим родом всегда управляла какая-то слепая и капризная судьба. Каждый хотел создать себе счастье по своей прихоти и искал его то в роскоши и наслаждениях, то в алчности и изнеженности, то в угнетении других и в подобных же безумствах, а природа, установившая иной порядок вещей, насмеялась над нашими нелепыми затеями. Она наказала нас за наши заблуждения; почти все народы сделали жертвами неразумных законов, которые они сами себе создали. Повсюду общество было подобно скопищу угнетателей и угнетаемых. Тысячи жестоких революций уже тысячи раз меняли лицо земли и уничтожали величайшие империи и тем не менее столько раз повторявшийся опыт не заставил нас заподозрить, что мы ищем счастье там, где его нет. <...>

Чем больше я об этом размышляю, тем больше я убеждаюсь, что неравенство имуществ и состояний разлагает, так сказать, человека и изменяет естественные влечения его сердца, ибо бесполезные потребности вызывают у него бесполезные для его истинного счастья желания и заполняют его ум самыми несправедливыми и нелепыми предрассудками или заблуждениями. Я считаю, что равенство, ограничивая наши потребности, сохраняет в моей душе мир, противящийся возникновению и развитию страстей. Разве не было бы непонятым безрассудством наше стремление к изысканности, искусственности и угонченности, если бы неравенство состояний не приучило нас видеть в этой смешной изнеженности свидетельство превосходства, заслуживающего какого-то почета? Почему бы я позволил себе смотреть свысока на человека, который, быть может, выше меня по своим достоинствам? Почему бы я присвоил себе какое-то предпочтение?

Почему бы я стал претендовать на какую-то власть над ним? И не открыл ли бы я таким образом путь тирании, рабству и самым пагубным порокам общества, если бы неравенство состояний не открыло мою душу честолюбию, а неравенство имуществ — жадности? Мне кажется, что только неравенство научило людей предпочитать добродетелям множество вещей бесполезных и вредных. Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочить законы. Равенство должно принести все блага, потому что оно объединяет всех людей, возвышает их душу и воспитывает их в чувствах взаимного доброжелательства и дружбы. Я заключаю из этого, что неравенство приносит все несчастья людям; оно унижает людей и сеет между ними раздоры и ненависть. Если граждане равны между собой и ценят в людях только добродетели и таланты, соревнование само собой останется в справедливых границах. Уничтожьте равенство, и тотчас соревнование превратится в зависть и ревность, потому что цели его не будут честными. <...>

Нужно ли мне говорить вам о нищенстве, позорящем ныне Европу, подобно тому как рабство некогда позорило республики греков и римлян? По-видимому, еще мало было тех несчастий, которые мы сами себе создали, — целые народы вооружились одни против других, и все права человечества были нарушены. Земель, которых хватало гражданам, имевшим при равенстве простые и немногочисленные естественные потребности, говорит Платон, не могло хватить на поддержание общества, которого неравенство состояний приучило почитать богатство, роскошь и наслаждения. Оказалось выгодным грабить своих соседей, и, так как грабеж был полезен, его вскоре стали почитать более, чем справедливость, о которой мы с тех пор имеем только ложное представление. Мы себе создали два рода мер и весов; и, к стыду нашего разума, богатые карают смертной казнью за кражу, потому что они боятся быть обкраденными, и одобряют завоевания, потому что они сами грабят народы. <...>

Природа сделала равенство законом для наших предков, и о своих намерениях она заявила столь ясно, что не знать их было невозможно. На самом деле, кто может отрицать, что, выйдя из рук природы, мы находились в самом совершенном Равенстве? Разве она не дала всем людям одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум? Разве расточаемые ею на земле блага не принадлежали им сообща?

Где вы найдете основание неравенства? Разве она дала каждому особую вотчину? Разве она провела межи на полях? Она не создала ни богатых, ни бедных. Разве она поставила в привилегированное положение некоторые расы, осыпав их особыми благосостояниями, подобно тому как для установления власти человека над животными она одарила нас многими высшими качествами? Она не создала ни великих, ни малых, она не предназначила одних быть господами других. <...>

Известно, что спартанцы жили в течение шестисот лет в самом совершенном равенстве, и вы не можете отрицать, что учреждения, просуществовавшие в течение шестисот лет, не были созданы энтузиазмом, мимолетным фанатизмом или по капризу моды, а следовательно, могли бы сохраниться и в течение миллиона лет. В чем секрет Ликурга, сотворившего это чудо? Он <...> не довольствуясь равным разделом земель, приносящим лишь преходящее и кратковременное благо, отнял у своих сограждан их право собственности на землю. Она принадлежала республике, которая наделяла ею отцов семейств на правах узурфрукта. Среди спартанцев появились разного рода злоупотребления; они стали, наконец, хозяевами своих земель, распоряжающимися ими по своему усмотрению, и эта пагубная революция привела к гибели республику и законы Ликурга. Мне кажется, что из этого можно извлечь самые полезные поучения о природе собственности и сделать вывод, что счастье для нас возможно только при общности имуществ...

Я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол. Поэты, которых Платон хотел изгнать из своей республики, лучше, чем законодатели и большинство философов, знали происхождение и развитие чувств человеческого сердца. Они назвали золотым веком то счастливое время, когда собственность была неизвестна, и они поняли, что различие «твоего» и «моего» вызвало все пороки. <...>

Если общества при своем образовании не знали собственности, почему же не могли бы они и дальше существовать без нее?

Когда, размножившись, люди сознали, наконец, необходимость иметь постоянные жилища и обрабатывать землю, могло ли быть их первой мыслью — произвести раздел и установить право собственности? Вводя новое установление, наш ум обычно руководствуется еще своими привычными идеями. Поэтому благоразумно думать, что наши предки, вынужденные работать, чтобы добиться более удобного существования, соединили свои силы для общего труда, как они уже объединились для образования государственной власти. Работая сообща, они сообща и собирали урожай. Вы видите, как мудро природа подготовила все, чтобы привести нас к общности имущества, и удержать от падения в бездну, куда нас бросило установление собственности. Что касается меня, признаюсь, я далек от того, чтобы считать эту общность неосуществимой химерой, и с трудом догадываюсь, как люди дошли до учреждения собственности. У меня есть на это лишь предположения, не вполне меня удовлетворяющие; и если бы я не боялся оказаться непочтительным к своим предкам, как бы только ни упрекал я их в совершении ошибки, которую почти невозможно было свершить. <...>

Кажется, что в то время, которое предшествовало учреждению собственности, ничего не было легче, как удержать людей в повиновении долгу, ибо ничего не было легче тогда, как заботиться об их нуждах и удовлетворять их. Я себе представляю, что граждане того времени были распределены по группам; наиболее сильные из них предназначены были обрабатывать землю, другие — заниматься грубыми ремеслами, без которых общество не может обойтись. Я вижу повсюду общественные магазины, содержащие богатства республики; а должностные лица, действительно являющиеся отцами отечества, не имеют иных функций, кроме поддержания нравственности и распределения между семьями необходимых им вещей.

По-видимому, счастье этого золотого века нарушила лень. Возможно, что одни люди, нерадивые и менее деятельные, чем другие, существовали за счет труда общества и служили ему с меньшим усердием и рвением. <...>

Чтобы остановить развитие зла, на которое мы жалуемся, почему бы нам не внести закон, предписывающий выдавать каждому урожай, собранный его трудом? Разделим поровну наши земли; нужда, самый могущественный из всех законов, изгонит лень; она даст силу, энергию и трудолюбие, и наши правители освободятся от занятия, которого они не могут выполнить. <...>

Я не страшусь того, что общность имуществ сделает граждан равнодушными к судьбе государства. Чем меньше люди заняты своим богатством, своей роскошью и своими наслаждениями, тем более они заинтересованы в общественном благе; они как бы забывают себя и любят только законы; опыт подтверждает это, а разум подтверждает опыт. Если у меня нет никакой собственности, и я получаю от правительства все, в чем я нуждаюсь, будьте уверены, что я буду любить свое отечество, ибо я ему буду обязан всем. Не будем строить себе иллюзий: собственность разделяет нас на два класса — богатых и бедных. Первые всегда предпочтут свою собственность собственности государства, а вторые никогда не будут любить правительство и законы, допускающие, чтобы они были несчастны. Граждане моей республики будут сравнивать свое положение с положением своих врагов, желающих поработить их; гордые своим равенством, ревностные к своей свободе, они убедятся, что, перейдя под чужую власть, они могут все потерять, и их отчаяние придаст новую силу всем их добродетелям! <...>

Если бы я мог разрушить предрассудки, которые вводят в заблуждение наш разум, если бы я мог вырвать из нашего сердца всевластные страсти, порабащивающие его, я не колебался бы ни минуты перед тем, чтобы вернуть людей к самому совершенному равенству. Если бы мне дали возможность, я бы вам дал законы, более строгие, чем платоновские; ибо я, между прочим, недоволен тем, что этот философ, который хотел представить нам картину совершенной республики, потерпел неудачу в своем замысле по той причине, что он не посмел сделать в отношении простых граждан то, что считал нужным сделать в отношении правителей. Он, правда, чувствовал, что для создания должностных лиц и воинов, столь совершенных, как он того хотел, надо было сделать их недоступными жадности и честолюбию, а следовательно — не оставлять им никакой собственности, никакого имущества и возложить на общество содержание их. Опасаясь даже, как бы семейные интересы или кровные связи не отвлекли их от исполнения долга, он довел свое благоразумие и предосторожность до крайности, установив между ними общность жен; вот единственный закон, к которому, я думаю, сумело бы приспособиться наше распутство. <...>

Платон боится, как бы философы, которым он доверяет управление государством, не предпочли уединение бремени государственных дел и как бы они не ответили отказом на призыв своих сограждан управлять ими. Что касается меня, я боялся бы, как бы людям, имеющим все страсти; какими наделила их собственность, не наскучили добродетели, которые Платон с большим трудом собрал в своих правителях и воинах. Он признаётся, что его республику постигнет та же судьба, какая постигла другие государства, и что после многих волнений его философы, пресыщенные своей мудростью, восстанут против государства, договорятся между собой о разделе земель и превратят остальных граждан в рабов. В поисках причины этого фатального упадка Платон обращается к судебной астрологии, в которой я не очень хорошо разбираюсь. Но вместо того, чтобы взыскивать вину на звезды и воображать, что после какой-то революции они не сумеют более производить людей, способных к изучению философии, не проще ли и не благоразумнее ли было бы обвинить в этом пороки, которые Платон оставил своим гражданам, наделив их собственностью, и которые незаметно привились бы правителям и воинам? <...>

Но оставим Платона; и не бойтесь, <...> что я вздумаю создать республику более совершенную, чем платоновская; у меня нет материала, чтобы соорудить такое здание. Если бы я задумал предложить высшему классу граждан отказаться от своих прерогатив и слиться с последним сословием в государстве, представляете ли вы, как будет принято мое предложение? Возмущенное честолюбие знатных окажется единственной их страстью. Я мог бы рассуждать, доказывать; мои рассуждения будут бесполезны, мои доказательства напрасны. Предложу ли я им счастье — его с презрением отвергнут, и все будет принесено в жертву сохранению величия, от которого часто устают и к которому, однако, всегда стремятся. Если эта неудача не обескуражит меня и я попытаюсь восстановить равенство путем нового распределения имуществ, в надежде, что со скупостью легче справиться, чем с честолюбием,— я, несомненно, прослышу безумцем, и вскоре мне придется убедиться, что жадность не более уступчива, чем честолюбие. <...>

Если бы силой красноречия и доказательства было бы совершено чудо и удалось бы принудить знатных и богатых согласиться на полное равенство с лицами, которых они презирают, — я не знаю, согласились ли бы на это незнатные и бедные люди, или, по крайней мере, смогли ли бы они проникнуться соответствующими их новому положению чувствами. Это вовсе не шутка: почти во всей Европе они дошли до такой степени унижения и нищеты, что испытывали бы своего рода отвращение или стыд к тому, чтобы быть равными со знатными и богатыми, и пришли бы в смущение, находясь рядом с ними. <...> У народа бывают приступы наглости, но совершенно отсутствует принцип равенства. Я сотни раз замечал, что даже лица, которые гордятся справедливостью и силой своих взглядов, дают себя увлечь блеском величия и богатства и бессознательно вновь опускаются до того состояния, в котором они, по воле судьбы, родились.

Знатные правы, когда боятся, как бы незнатные не лишили их величия. Все государства при своем возникновении имели законы, благоприятствовавшие равенству; и, однако, во всех государствах создались оскорбительные различия и преимущества между гражданами; и хотя богатства и звания вначале не были очень внушительны, они все же были достаточны для подчинения себе большинства: настолько могущественна власть богатства и звания! Подумайте, сколько понадобилось времени даже римским плебейам, чтобы решиться разделить с патрициями управление государством. А между тем, народ там не привык, чтобы его считали за ничто, как его считают теперь почти во всей Европе. <...>

Если вы хотите заложить фундамент совершенной республики, я советую <...> отправиться искать себе граждан в лесах Америки или Африки. Несчастные дикари тех мест только невежественны, поэтому им не пришло еще в голову обрабатывать землю, обзаводиться стадами и постоянными жилищами и заботиться сегодня о нуждах завтрашнего дня. Постоянно неуверенные в своей судьбе, постоянно подавленные невозможностью удовлетворить свой голод и потребность в отдыхе, постоянно занятые охотой или рыбной ловлей, они не имеют времени думать о том, как избавиться от своей нищеты. Но какая энергия во всех движениях их души? Их пороки и их предрассудки не влекут их, как наши, к роскоши, к изнеженности, к наслаждениям, к обманчивой славе, к честолюбию, к алчности. Какие мы могли бы предложить им реформы и установления, которые были бы выше их сил?

Легче принудить этих дикарей заниматься полезными ремеслами, чем заставить нас отказаться от лишних и бесполезных. Я нахожу в их, едва намечающемся, обществе самое совершенное равенство. Оно не допускает какого-либо различия между вождем племени и последним отцом семейства; он вождь потому, что он храбрее других, и он перестанет быть им, если допустит, чтобы кто-нибудь превысил его. Их народы, сеющие маниоку б, еще не разделили свои поля канавами, изгородями или межами; их женщины копают землю, сеют и убирают урожай сообща. Их мужья не обязаны по закону делить охотничью добычу между жителями поселка, но они были бы опозорены в собственных глазах, если бы они этого не делали. Гостеприимство им дорого, и, не задумываясь, они расточают прохожим все, что у них есть. Рассказывают даже, что во Флориде некоторые племена, сеющие индийский хлеб, или маниоку, ссыпают свой урожай в общественные амбары, и каждая семья берет из них в определенном порядке и без жадности нужное ей количество зерна. Какие счастливые склонности для установления общности имуществ! Вот на берегах Огайо или Миссисипи Платон мог бы учредить свою республику. Как жаль, что, передавая этим народам наши пороки и наши предрассудки, мы верим, что несем им цивилизацию! <...>

Если равенство не существует более, если граждане разделили между собой земли, если общность имуществ не может быть восстановлена, каковы же, спросите вы, обязанности законодателя? Он должен подражать кормчому, которого противные ветры властно сбивают с его пути. Он не покоряется их ярости, он лавирует, он располагает свои паруса так, чтобы идти ближайшим путем. Страсти, которые породила собственность, являются в государстве тем, чем ветры на море. Не потворствуйте им — они увлекут вас, и вы погибнете. <...>

Страсть, которую нам дала собственность, — это жадность; если я не ошибаюсь, от нее проистекают все наши пороки и все наши несчастья; надо, следовательно, взяться за нее. Но эта яростная страсть обретает новые силы в борьбе: чем сильнее ее страх, тем наглее она становится и всегда одерживает победу. Трудно законодателю победить ее в открытой борьбе. Следовательно, он должен употребить хитрость и искусство, и первое следствие, которое я извлекаю из этого принципа, заключается в том, что на собственность, которая была однажды установлена в государстве, надо смотреть как на основу порядка, мира и общественной безопасности. <...>

Если мы хотим, чтобы правители были справедливыми, нужно, чтобы у государства было мало потребностей, а для того, чтобы еще больше приучить правителей к справедливости, надо, чтобы законы не предоставляли им возможности иметь больше потребностей, чем остальным гражданам...

Способствуя лишь установлению простых потребностей и нравов, законы создали систему управления, предупреждающую или задерживающую разрушения, производимые жадностью. Дайте исчезнуть этой простоте, и я ручаюсь вам, что предписания, сделанные для того, чтобы заменить ее, не будут иметь никакого успеха. Чрезмерные потребности республики не могут длительно сочетаться со скромностью нравов. Будьте уверены, что правители, беспрестанно колеблющиеся законы в угоду своим потребностям, неминуемо будут низвергнуты. Следовательно, все то, что служит увеличению потребностей государства или его правителей, является по природе своей пороком. <...>